

В общую сумму похищенного, которая вменяется соучастникам, не может быть включена лишь стоимость того имущества, которое было похищено самостоятельно одним из соучастников независимо от других и вне связи с преступной деятельностью данной группы.

Если лицо, хотя и не участвовало непосредственно в совершении хищения, но умышленно содействовало его совершению в крупном или в особо крупном размере, оно несет ответственность по ст.ст. 42 и 186 независимо от того, какая сумма получена им из похищенного.

Не могут нести ответственность за крупное или особо крупное хищение такие соучастники, которые хотя и принимали участие в отдельных эпизодах хищений, совершенных группой или одним лицом, но не знали о других эпизодах преступной деятельности и ничем не способствовали совершению хищения в крупном или особо крупном размере.

Если одно и то же лицо совершило несколько хищений, вступая каждый раз в сговор с разными лицами, но в целом, таким образом, участвовало в похищении крупных или особо крупных сумм, его действия следует квалифицировать исходя из общей суммы похищенного, а не из отдельно взятых сумм, похищенных совместно с различными соучастниками.

Аналогично должен решаться вопрос и тогда, когда одно и то же лицо является не соисполнителем, а организатором, подстрекателем или пособником в ряде хищений, совершенных разными, друг с другом не связанными лицами.

КРИМИНАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ И УГОЛОВНОЕ ПРАВО

А. ДОЛГОВА,

доктор юридических наук, профессор, президент Российской криминологической ассоциации, главный научный сотрудник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

SUMMARY

The article is about how to increase the effectiveness of criminal policy in fight against crime.

* * *

В публикуемой статье речь идет о том, как складывающиеся в настоящий момент криминальные деяния соотносятся с положениями уголовного права.

1. Ещё в Российской империи специалисты в учебниках уголовного права, развивая подход Листа, отмечали тесную взаимосвязь: Уголовного права или уголовной догматики; криминологии или этиологии преступления; уголовной политики, «изыскивающей целесообразные меры борьбы с преступностью и основывающуюся на криминологии» [1].

Действительно, необходима должная криминологическая обусловленность уголовного закона – его соответствие криминальным реалиям во всём их разнообразии и в постоянном движении. Иначе уголовный закон даже в его основополагающей Общей части не будет отвечать задачам уголовной политики – эффективного реагирования уголовно-правовыми средствами на новые либо трансформирующиеся высоко общественно опасные явления, как криминализованные, так и подлежащие криминализации.

Бурные события XX – начала XXI веков привели к глобализации преступности как в рамках отдельных государств, так и Земного шара в целом, а также к появлению ее новых, все более общественно опасных характеристик. Полем функционирования преступности становились огромные трансрегиональные и транснациональные пространства. Закономерна в таких условиях глобализация борьбы с данным опасным феноменом путем выработки на международном уровне общепризнанных принципов и норм, международных договоров.

Преступность при просче-

тах борьбы с ней все в большей степени проявляет себя как системное явление со своими собственными, «внутренними» характеристиками, такими как: устойчивость, активность, организованность.

В результате процессы детерминации, причинности преступности имеют своей составляющей самодетерминацию преступности, ее целенаправленное и наступательное воздействие на общество. В этом случае происходит деформация общественных отношений, основанных на законе, морали и других выработанных цивилизацией социальных регуляторах; формируются:

а) типы личности с установками на высоко общественно опасные, уже запрещенные или подлежащие запрещению уголовным законом, формы поведения; б) личностные типы – приспособленцы к криминальной ситуации; в) типы людей, не решающихся или не умеющих противостоять криминалу и созданным им нормам, ценностям, стандартам поведения, организованным преступным формированиям.

Многолетними исследованиями установлено, что не только преступления определяют характеристики преступности, но и характеристики преступности как системы влияют на характер совершаемых деяний. Например, в условиях функционирования преступности совершаются многие криминальные деяния, которые бы без этого не совершались. Показательно, что 6% от всего изученного криминологами в России массива умышленных убийств составили убийства, связанные с противоборством преступных группировок либо их с частными охранными предприятиями [2].

Речь идет о сложной системе:

а) организованных преступных формирований; б) их отношений; в) их деятельности.

Взаимосвязаны разными нитями и на разной основе различные преступные организации, фиксируется взаимосвязь их деятельности (сотрудничество при совершении преступлений, приглашение для отдельных криминальных операций киллеров или других «специалистов» из других организаций и т.д.). Между разными организованными преступными формированиями складываются сложные взаимоотношения на почве раздела сфер влияния, решения вопросов об иерархии в криминальной среде, противостоящей государству и закону, политике и др.

Рис. 1. Организованная преступность как система взаимодействующих преступных формирований разного типа, в том числе управляющие структуры – преступные сообщества «воры в законе» и другие.

Рис. 1 отражает организованную преступность как систему взаимодействующих преступных формирований с управляющими структурами – преступными сообществами «воры в законе» и другими.

На рис. 1 показаны не только взаимосвязи организованных преступных формирований, действующих в России, но их связи с транснациональными преступными формированиями. Такие взаимодействия осуществляются в формах и консолидации, и конфронтации с различными их вариантами. Кроме того, различаются типы и виды фактически криминальных формирований, для которых характерна преступная деятельность и ее организация.

В проекте Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью» различались два типа организованных криминальных формирований:

а) преступные организации, создаваемые на базе и для совместной преступной деятельности;

б) преступные сообщества как надорганизационные структуры в криминальной среде с функциями управления, координации и т.п. Один из примеров последнего – преступное сообщество «воры в законе».

Криминологические исследования со все большей очевидностью показывали, что преступность все чаще проявляет себя не только в отдельных преступлениях (действиях или бездействии), но также в преступной деятельности, как системе преступных деяний, причем часто – организованных преступных формирований как коллективных субъектов преступной деятельности.

Однако до сих пор, несмотря на многочисленные публикации криминологов и предлагавшиеся ими правовые новеллы, в уголовном законе отсутствует понятие «преступная деятельность». Ее вынужден признавать законодатель в России в комплексных законах «О противодействии терроризму», «О противодействии

экстремисткой деятельности», но в уголовном законе России данное понятие отсутствует.

В России террористическая деятельность в ст.3 Федерального закона «О противодействии терроризму» трактуется следующим образом: «террористическая деятельность – деятельность, включающая в себя:

а) организацию, планирование, подготовку, финансирование реализацию террористического акта;

б) подстрекательство к террористическому акту;

в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;

г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;

д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо основывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности».

Все эти деяния в системе фиксируются у организаторов преступных формирований и их криминальной деятельности. Однако в теории уголовного права не выработано подхода к данному феномену как качественно иному явлению по сравнению с отдельным преступлением и его общей уголовно-правовой оценки. По ситуации спонтанно криминализируются лишь отдельные элементы преступной деятельности, и в результате данные элементы получают уголовно-правовую оценку в качестве отдельных преступлений

с применением норм о стадиях, соучастии и множественности, повторности преступлений. В одном из уголовных дел деяния обвиняемых по нескольким десяткам раз квалифицировались по одной и той же части одной и той же статьи УК РФ, не фиксировалась система таких деяний.

То есть подход к организованной преступной деятельности оказывается на практике аналогичным подходу к отдельному преступлению (действию или бездействию).

На практике нередко реагируют на организованную преступную деятельность, привлекая ее участников к уголовной ответственности лишь за отдельные преступные деяния, являющиеся эпизодами сложной деятельности. Кажется вечным призыв к следователям: «рубите концы – не занимайтесь гигантоманией». Реже отмечается реагирование в рамках института соучастия в преступлении, но при этом тоже происходит своеобразное «обрубание концов». И только единицами насчитываются уголовные дела, в которых последовательно и полно отражается вся криминальная деятельность. Именно в последнем случае обнаруживаются характер и место отдельных деяний в их общей системе; организаторы и руководители осуждаются к строгим мерам наказания, как они этого заслуживают, а участники – соответственно их реальному вкладу в отмеченную деятельность и сотрудничеству с органами правопорядка в ее разоблачении.

Совершенно обоснованно в постановлении Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» от 10 июня 2010 года используется термин

«преступная деятельность», ибо без него трудно обойтись.

В Уголовный кодекс Украины введено понятие «преступная деятельность»: часть 3 статья 27 «Виды соучастников» предусматривает, что организатором является лицо, которое, в том числе «организовало сокрытие преступной деятельности, в части 4 ст.28 говорится о «координации преступной деятельности», ст.43 называется «Выполнение специального задания по предупреждению либо раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации». И это уже шаг вперед, но нельзя на этом останавливаться.

В УК России такого понятия нет, но характерно, что криминализована «организация». Например, в соответствии с ч.1. ст.322¹ УК РФ организация незаконной миграции – это «организация незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, их незаконного пребывания в Российской Федерации или незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации». Речь практически идет о сложной системной деятельности. Надо ли применительно к ней выявлять каждого незаконного мигранта, каждый элемент сложного процесса организации? При таком подходе вряд ли, если, например, доказываемая длившаяся долго организация миграционных потоков.

Если же считать важным выявлять каждый эпизод организационной и организованной преступной деятельности и применительно к каждому мигранту, то что нового это внесет в квалификацию? Сроки же предварительного следствия оказываются в таком случае почти бесконечными с учетом выделяемых материалов на тех, кто в розыске и т.п.

Термин «преступная деятельность» содержится в п. «а» ч.1 ст.5 «Криминализация участия в организованной преступной группе» Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности. Там речь идет о преступной деятельности организованной группы. Мы предложили при разработке проекта Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью» следующие направления учета феномена преступной деятельности в законодательстве:

Во-первых, в текст Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью» ввести определение такой деятельности в раздел «Основные понятия». Во-вторых, ст.14 УК РФ дополнить частью третьей следующего содержания: «3.Преступной деятельностью признается система совершаемых с заранее обдуманым умыслом взаимосвязанных деяний, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса, либо деяний, образующих определенную целостность с указанными, обеспечивающую совершение преступных деяний». Соответственно также предложено разграничить в УК РФ умысел на внезапно возникший и заранее обдуманный. Это уже было в истории Российской империи.

В действующем УК РФ понятие «организация» связывается как с преступной деятельностью, так и с преступными формированиями как коллективными субъектами преступной деятельности.

Что касается организованных преступных формирований, то в каком-то отношении здесь наличие определенный «прорыв»: наряду с традиционным институтом соучастия и его подходами стала вводиться уголовная ответственность только за организацию, руководство и иное

участие в организованном преступном формировании (ст.ст. 208-210, 239, 282¹, 282² УК РФ). Это правильно, так как само по себе наличие преступного формирования, рассчитанного на преступную деятельность, не менее общественно опасно, чем, по крайней мере, незаконное ношение огнестрельного оружия. Последнее же безусловно и давно криминализовано.

Изложенное соответствует международно-правовому подходу, изложенному, в частности, в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности. Однако не все обязательства, связанные с таким подходом, выполнены. Например, в России до сих пор не введена уголовная ответственность юридических лиц, хотя она не противоречит принципам уголовного закона.

Когда речь идет о сложной, многоаспектной преступной деятельности, организационной деятельности, то, как правило, ее субъект – то или иное криминальное формирование. Причем многие фактически криминальные преступные организации легализуются и выступают в качестве юридических лиц. Или юридические лица превращаются в результате запрещенной законом деятельности в организованные преступные формирования.

Не случайно в целом ряде документов ООН, как и в других международных организациях, отмечается необходимость введения уголовной ответственности юридических лиц. Уголовная ответственность юридических лиц предусмотрена Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности и другими международно-правовыми документами. В ст.10 «Ответственность юридических лиц» Конвенции ООН против транснациональной ор-

ганизованной преступности говорится, в частности:

«1. Каждое государство-участник принимает такие меры, какие, с учетом его правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в серьезных преступлениях, к которым причастна организованная преступная группа, и за преступления, признанные таковыми в соответствии со статьями 5, 6, 8 и 23 настоящей Конвенции.

2. При условии соблюдения правовых принципов государства-участника ответственность юридических лиц может быть уголовной, гражданско-правовой или административной».

Введение уголовной ответственности юридических лиц не противоречит принципам уголовного права, изложенным в главе 1 УК РФ. В статье 14 «Понятие преступления» УК РФ не указывается его субъект: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Положение о том, что «уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом», содержится лишь в главе 4 «Лица, подлежащие уголовной ответственности». Таким образом, при введении уголовной ответственности юридических лиц не фиксировалось бы никакого посягательства на национальные правовые принципы. Тем более, что административная ответственность юридических лиц уже установлена Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации, данный институт является действующим. Однако только административной и гражданско-правовой ответственности юридических лиц

недостаточно при реагировании на организованную преступность.

В УК Украины, судя по тексту закона, также не содержится указания на принципы, препятствующие введению данного института. В ст.2 данного Кодекса говорится, что «Основанием уголовной ответственности является совершение лицом общественного опасного деяния, содержащего состав преступления, предусмотренного настоящим Кодексом», в ст.11 «Понятие преступления» говорится о «субъекте преступления». Однако в статье 18 «Субъект преступления» конкретизируется, что это именно физическое лицо. В общем, российским, украинским и другим коллегам-специалистам в области уголовного права есть над чем работать.

Вопрос об ответственности организаций, юридических лиц является непростым и в другом отношении. В статье 24 Федерального закона «О противодействии терроризму» законодатель в России ввел новое понятие «ответственность организаций за причастность к терроризму». Это организации, от имени или в интересах которых осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений, предусмотренных перечисленными статьями УК РФ, а также лицом, которое контролирует реализацию организацией ее прав и обязанностей. Организация признается террористической и подлежит ликвидации (ее деятельность – запрещению) по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему прокурора.

Такой же подход существует в России к организациям, признаваемым судом экстремистскими на основе Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Соответ-

ственно в УК РФ разграничивается уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества как разновидности организованной преступной группы (статья 282¹ УК РФ) и за «организацию деятельности экстремистской организации» (статья 282² УК РФ). В последнем случае криминализованы организация, участие «в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности».

Несколько слов о проблемах взаимопонимания криминологов и специалистов по уголовному праву. Применение в УК РФ одновременно двух терминов «преступная организация (преступное сообщество)» бессмысленно и объясняется тем, что эксперты-специалисты по уголовному праву при разработке проекта УК РФ настойчиво добивались, чтобы были введены в противовес позиции криминологов-разработчиков законопроекта «О борьбе с организованной преступностью», на который к тому времени было наложено вето Президентом России, но который вновь был одобрен непосредственно перед обсуждением Государственной Думой проекта УК РФ.

Крайне важна согласованность норм Общей и Особенной части УК, их соответствие криминальным реалиям. Определение преступной организации (преступного сообщества) в части четвертой статьи 35 УК РФ оказалось нестабильным и не соответствующим том, как данный термин используется в Особенной части – статьях 210, 282¹, 282² УК РФ, а самое главное – не отражающим криминальные реалии как с точки зрения их

фактических характеристик, так и оценки общественной опасности. В новой редакции части 4 статьи 35 УК РФ предусматривает следующие цели объединения лиц в преступные сообщества (преступные организации): «совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды». Похожий подход относительно мотивации содержится и в ряде международно-правовых документов.

Возникают вопросы: во-первых, почему только тяжких и особо тяжких преступлений. Ведь многие деяния средней тяжести причиняют колоссальный вред. Это деяния в сфере экономической деятельности, незаконное изготовление оружия, боеприпасов и т.п. без квалифицирующих обстоятельств, организация незаконной миграции, в том числе совершенная организованной группой и т.п. Во-вторых, как быть с преступными организациями, преследующими сепаратистские, политические цели и другие, помимо получения финансовой или иной материальной выгоды, создаваемыми для разжигания вражды и ненависти, подрыва основ конституционного строя и безопасности государства?

Отсутствие взаимопонимания и сотрудничества у криминологов и специалистов по уголовному праву, как и уголовно-процессуальному, другим отраслям, наруку организованным преступникам, их идеологам и убежденным защитникам.

Существует немало других аспектов обозначенной в заглавии проблемы. Они требуют внимания, осуждения и решения в интересах обеспечения эффективной уголовной политики и в целом – борьбы с преступностью во всех ее составляющих

(общая организация борьбы, предупреждение, правоохранительная деятельность). Криминологи давно уже занимаются не только преступлениями, их причинами и предупреждением. Важное значение придается всей системе правового регулирования борьбы с преступностью, ее криминологической обусловленностью. С этой точки зрения при решении вопросов криминализации и декриминализации деяний следовало бы в большей мере учитывать выводы криминологов. А им, разумеется, важно совершенствовать свои уголовно-правовые и другие правовые знания.

Литература:

1. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. М., 1912, с.24.

2. Антонов-Романовский Г.В. Проблема «новых» убийств в России и борьбы с ними/ Криминальная экономика и организованная преступность/. М., 2007. С.79-81.

Матвеева Н.С. Криминологический анализ состояния защищенности предпринимателей от тяжкого насилия в Центральном Федеральном округе/ Криминальная экономика и организованная преступность/. М., 2007. С.86 и сл.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

А. МИХАЙЛОВ,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Правосудия» Киевской государственной академии водного транспорта им. гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного

А. МИХАЙЛОВ,

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой «Криминального права» Киевской государственной академии водного транспорта им. гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного

SUMMARY

In the published article the author tries to analyze the understanding of criminal's personality, his social and biological identity, and he tries to give a classification to criminal's personality.

* * *

В предлагаемой статье автор пытается проанализировать: понятие личности преступника; социальное и биологическое в личности преступника; криминологическую характеристику личности преступника; дать классификацию личности преступников.

Личность преступника всегда была одной из центральных проблем всех наук криминального профиля и в первую очередь криминологии. История этой науки свидетельствует о том, что наиболее острые дискуссии криминологии вели и ведут как раз по поводу личности преступника. В зависимости от социально-исторических условий, требований социальной практики и уровня развития науки по-разному ставился и решался вопрос, что такое личность преступника, есть ли она вообще, в чем ее специфика, какова ее роль в совершении преступления, как воздействовать на нее, чтобы не допустить роста преступных действий. Все эти вопросы имеют большое практическое значение.

Необходимо учитывать, что даже в такой специфической сфере, как преступление, человек действует в качестве общественного существа. Поэтому к нему надо подходить как к носителю различных форм общественной психологии, приобретенных нравственных, правовых, этических и иных взглядов и ценностей, индивидуально-психологических особенностей. В целом – это представляет собой источник преступного поведения, его субъективную причину, предопределяет необходимость

изучения всей совокупности социологических, психологических, правовых, медицинских (в первую очередь, психиатрических) и других аспектов личности преступника.

Личность преступника представляет собой целостную систему негативных социальных и психических свойств, образующих ее общественную опасность, которая детерминирует совершение преступления.

В приведенном определении отражена органическая связь между общесоциологическим и